

Лессинг Готхольд Эфраим

Натан Мудрый

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г73

Г73 **Готхольд Эфраим Л.**
Натан Мудрый / Лессинг Готхольд Эфраим – М.: Книга по Требованию, 2023. – 450 с.

ISBN 978-5-519-93328-5

ISBN 978-5-519-93328-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НАТАНЪ МУДРЫЙ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

Г. Э. ЛЕССИНГА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Виктора Крылова.

СЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОЧЕРКОМЪ, ПРИМѢЧАНІЯМИ КЪ ПЕРЕВОДУ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ.

Съ 35 рисунками и 11 эстампами.

Vornals, im Leben, ehrten wir Dich als einen der Götter,
Nun Du todt bist, so herrscht über die Geister Dein Geist.

Goethe.

Какъ одного изъ боговъ мы тебя почитали при жизни,
Но ты скончался теперь и царить надъ умами твой умъ.

Гёте (о Лессингъ).

Издание А. Ф. МАРКСА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

  Типографія А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

Дозволено цензурою. 6 марта 1897 г. СПб.

Мой переводъ драматическаго стихотворенія Г. Э. Лессинга—«Натанъ Мудрый»—былъ впервые напечатанъ въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» въ 1868 году. Это былъ первый русскій переводъ произведенія, занимающаго одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ нѣмецкой литературѣ. Впослѣдствіи, собираясь издать переводъ отдѣльной книгой, я счелъ нужнымъ предпослать ему самостоятельный историко-литературный очеркъ объ этой драмѣ и ея авторѣ, въ виду того, что вообще о Лессингѣ въ русской литературѣ писано мало. Изданіе это однако не могло быть скоро исполнено, такъ какъ для него потребовалось подробное ознакомленіе съ той обширной спеціальной литературой, которая въ Германіи вызвана жизнью этого выдающагося писателя и его произведеніемъ—«Натанъ Мудрый». Книга моя вышла только въ 1875 году; она заключаетъ въ себѣ: статью о Лессингѣ и его «Натанѣ», переводъ драмы «Натанъ Мудрый», объяснительныя примѣчанія къ переводу и библіографію.

Эта книга давно уже разошлась въ продажѣ; поэтому, три года назадъ, А. Ф. Марксъ предложилъ мнѣ сдѣлать новое ея изданіе и украсить его иллюстраціями.

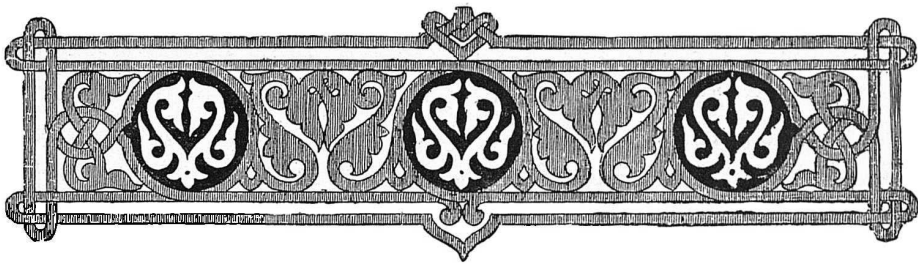
Для этого изданія я тщательно пересмотрѣлъ всю книгу и значительно ее пополнилъ, особенно въ отдѣлѣ библіографіи, которая, за послѣднія двадцать лѣтъ, очень возросла. Предпосылаемая переводу драмы статья, подъ заглавіемъ: «Лессингъ и его драматическое стихотвореніе «Натанъ Мудрый»,—состоитъ изъ пяти главъ. Первая говоритъ о Лессингѣ, его

жизни, значеніи и дѣятельности, какъ объ элементахъ, породившихъ «Натана»; вторая и третья составляютъ, такъ сказать, исторію драмы, отъ начала писанія до исполненія на сценѣ; четвертая и пятая—критику внутренняго содержанія и художественнаго выполненія драмы. За переводомъ слѣдуютъ объяснительныя примѣчанія и библіографія.

Иллюстраціи къ предисловію воспроизведены со старинныхъ гравюръ, портретовъ и т. п. Что касается иллюстрацій къ самой драмѣ, то онѣ троякаго рода. Наибольшее количество ихъ взято изъ иллюстрированнаго изданія сочиненій Лессинга, редакціи Лаубе. Но русскій издатель не хотѣлъ ограничиться однѣми этими иллюстраціями. Онъ прибавилъ къ нимъ гравированныя на стали, по рисункамъ художника Пехта, изображенія отдѣльных лицъ драмы и копіи съ двухъ картинъ къ «Натану», художника Бендемана, оригиналы которыхъ находятся въ Каульбаховской галлерей въ Мюнхенѣ. Такимъ образомъ, приложенныя здѣсь иллюстраціи составляютъ не просто пояснительные рисунки къ тексту, но произведенія различнаго характера, наглядно указывая, какъ то или другое лицо драмы сказалось въ представленіи разныхъ нѣмецкихъ художниковъ. Большой портретъ Лессинга и портретъ его жены отпечатаны по рисункамъ художника Пехта.

В. Крыловъ.

ЛЕССИНГЪ

И ЕГО ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

„НАТАНЪ МУДРЫЙ“.

 о всякой нѣмецкой книгѣ, въ которой специально или даже вскользь говорится о Лессингѣ, начиная отъ самой подробной его біографіи до упоминанія о немъ въ какомъ-нибудь романѣ или мелкой критической замѣткѣ, всюду, несмотря иногда на крайнюю противоположность воззрѣній авторовъ, непременно встрѣтится общая черта какой-то теплой родственной привязанности къ знаменитому творцу Натана. Конечно, мы говоримъ здѣсь не объ обскурантахъ и современныхъ Лессингу его противникахъ, сочиненія которыхъ вообще составляютъ весьма небольшую долю всего, что о немъ писано; но даже у его далеко не безусловныхъ поклонниковъ, у людей, нерѣдко ему не сочувствующихъ, сквозить этотъ добрый лучъ пріязни, какъ къ другу, какъ къ человѣку близкому, съ которымъ не всегда сходились во мнѣніяхъ, но котораго нельзя не уважать и не любить отъ всей души. «Ни одинъ нѣмецъ не можетъ произнести имя Лессинга безъ того, чтобы болѣе или менѣе оно не отозвалось въ его сердцѣ»,—пишетъ Гейне и почти тѣ же слова повторяетъ Геттнеръ: «у нѣмца сердце радуется (geht das Herz auf), когда

онъ говорить о Лессингѣ»; мы прибавимъ: и не у одного нѣмца. Всякій, кому доводится ближе подойти къ этой сокровищницѣ нравственной силы, невольно чувствуетъ какую-то отрадную бодрость, вѣру въ непоколебимость добра, въ живучесть прогресса, невольно глядитъ на все грубое, пошлое, низкое, не столько съ ненавистью и злобой, сколько съ жаждой, по мѣрѣ хотя бы самыхъ малыхъ силъ, способствовать уменьшенію зла.

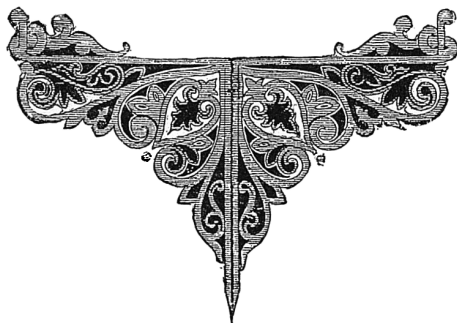
Причина тому весьма простая: Лессингъ представляетъ довольно рѣдкое явленіе писателя, въ которомъ встрѣчаешь замѣчательное единство его слова и жизни, его личной единичной жизни и всего, что въ современномъ ему обществѣ стремилось впередъ. Ни въ одной строкѣ, писанной имъ, ни въ одномъ шагѣ его скитальческаго существованія не натолкнешься на разладъ рѣчи и дѣла, столь присущій тѣмъ объективнымъ талантамъ, которые такъ ловко умѣютъ найти въ добродѣтели слова только выгодный товаръ для своихъ, часто слишкомъ не безкорыстныхъ, цѣлей. Эта цѣльность личности у Лессинга доходитъ до того, что она сказывается даже въ его способѣ выражаться и, говоря словами Гейне, «ни къ кому болѣе, чѣмъ къ нему, не подходитъ мнѣніе, что человѣкъ весь сказывается въ своемъ стилѣ. Его способъ писать совершенно таковъ, какъ его характеръ: справедливъ, твердъ, безыскусственъ и прекрасенъ. Его стройныя, отчетливыя положенія слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ ровныя плиты мостовой». Жизнь Лессинга вся налицо. Трудюбивые нѣмцы съ педантической любовью собрали и издали все писанное его рукой, все до послѣдней записки къ пріятелю, до самыхъ интимныхъ писемъ къ невѣстѣ и роднымъ, и каждая новинка такого рода говорила постоянно только въ пользу Лессинга, и ни одно слово его не даетъ права заподозрить въ немъ человѣка, не всегда поступающаго такъ, какъ проповѣдуетъ. Даровитый, честный до щепетильности, откликавшійся съ поразительной простотой и ясностью на все, что въ его время занимало общество, заслужившій, по выраженію Гёте, своею правдивостью великое довѣріе націи, онъ жилъ широкою жизнью человѣчества, симпатичный даже въ своихъ увлеченіяхъ.

Вотъ почему, говоря о «Натанѣ Мудромъ», необходимо пред-

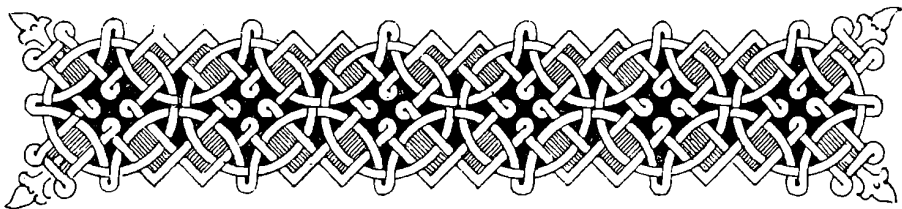
послать ему нѣсколько словъ объ его авторѣ, такъ какъ это сочиненіе не только по внутреннему своему содержанію, но и по всей обстановкѣ его созданія, составляетъ самый наглядный примѣръ только-что сказаннаго. Такъ полно и всесторонне, какъ здѣсь, не проявилась могучая натура Лессинга ни въ одной изъ его работъ, ни въ одномъ изъ его произведеній. Изучать «Натана»—значить изучать Лессинга; а, въ свою очередь, изучать Лессинга, значить изучать тѣ громадныя духовныя силы нѣмецкой націи, которыя въ какихъ-нибудь пять-шесть десятковъ лѣтъ прошлаго столѣтія, отъ первыхъ грубоватыхъ попытокъ Готшеда создать нѣмецкій языкъ, привели къ блестящему языку Гёте и Шиллера, которыя не только породили, до тѣхъ поръ вовсе не существовавшую, нѣмецкую литературу, но и поставили ее на ряду съ первоклассными литературами Франціи и Англіи,—и единому нѣмецкому философу Лейбницу, писавшему на французскомъ языкѣ, дали цѣлую плеяду знаменитыхъ нѣмецкихъ преемниковъ. Наконецъ, изучать Лессинга, значить по преимуществу изучать великое развитіе германскаго народа, сдѣлавшагося вообще самымъ вѣротерпимымъ, давшего не мало побѣдоносныхъ бойцовъ противъ невѣжества и гнѣта доктринерской теологіи, когда еще въ какихъ-нибудь тысяча семьсотъ двадцатыхъ годахъ этотъ народъ былъ такъ грубъ и суевѣренъ, что судилъ дѣтей за сношеніе ихъ съ дьяволомъ и сжигалъ ихъ на кострѣ за колдовство *).

*) Или, приводя слова нѣмецкихъ критиковъ: «Натанъ» былъ духовнымъ завѣщаніемъ Лессинга; тутъ онъ завѣщалъ будущности сумму истинъ, которую онъ завоевывалъ борьбою и мужествомъ» *Hillebrand*.—«Натанъ Мудрый» есть евангеліе любви и терпимости, что было самымъ глубочайшимъ и существеннымъ проявленіемъ всего столѣтія. Или въ другомъ мѣстѣ: «Это чудное произведеніе есть монументальный итогъ всего вѣка просвѣщенія» *Hettner*.—«Возвращаясь къ Лессингу, значить идти впередъ» *Kuchel*.—«Въ «Натанѣ» заключается вся жизнь и все мышленіе Лессинга» *Kehrein*.—«Прежде чѣмъ смерть похитила Лессинга, ему дано было проявить всю геніальность своего разума, всю его гуманную вѣру и надежду, въ поэтическомъ произведеніи, которое всегда будетъ причисляться къ лучшимъ дѣяніямъ нѣмецкаго разума. Это произведеніе «Натанъ Мудрый» *Scherr*.—«Стихотвореніе «Натанъ Мудрый», богатѣйшими нитями, какъ никакое другое, вилетено во все движеніе своего времени и литературы; но такъ-же, какъ никакое другое, остается вліятельнымъ и значительнымъ и для нашего времени» *Wackernagel*.—«Въ исторіи драмы «Натанъ Мудрый», въ томъ, какъ въ разныя времена на нее смотрѣли, отражается исторія гуманности въ Германіи со времени появленія этой драмы. Болѣе теплый или холодный приѣмъ ея

Спѣшу, однако, оговориться. Такое широкое обсужденіе предлагаемаго читателямъ произведенія Лессинга по многимъ причинамъ не можетъ быть задачей настоящей статьи; это бы завело насъ слишкомъ далеко, да и выполненіе подобной задачи такъ, какъ бы это было желательно, представляетъ не мало трудностей. Нѣтъ, мы бы желали только вкратцѣ помѣтить, такъ сказать, исторію существованія «Натана», отъ первыхъ мыслей объ этой драмѣ, зародившихся въ головѣ ея автора, до того времени, когда она стала одною изъ самыхъ дорогихъ книгъ нѣмецкаго народа. Съ другой стороны, переходя къ самому содержанію «Натана», намъ хотѣлось бы только возбудить въ читателѣ желаніе остановиться нѣсколько дольше, чѣмъ это обыкновенно дѣлается, надъ сочиненіемъ, стоящимъ въ нѣмецкой литературѣ, по общему отзыву его критиковъ, на ряду съ однимъ «Фаустомъ» Гёте; намъ бы хотѣлось только обратить должное вниманіе читателя на то, что, въ виду ясности мысли въ драмѣ, проскользнуло бы пріятнымъ развлеченіемъ, не оставивъ послѣ себя реального слѣда. Лессингъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, сочиненія которыхъ нуждаются въ особенныхъ разъясненіяхъ; онъ самъ говоритъ за себя гораздо лучше, чѣмъ всѣ, пытавшіеся пояснять его,—и если намъ удастся, чтобы, благодаря этой статьѣ, нѣкоторые изъ читателей внимательнѣе прислушались къ его рѣчамъ,—наша цѣль будетъ достигнута.

есть барометръ гуманности» *Auerbach*.—«Кто «Натана» хорошо понимаетъ,—знаетъ Лессинга» *F. Schlegel*.—«Собственный жизненный опытъ Лессинга и важнѣйшіе моменты исторіи его жизни надо разсматривать, какъ подготовительную работу къ созданію его «Натана» *Rönefart* и т. д.

I.

Жессингъ появился на свѣтъ во дни послѣднихъ судорогъ отходящаго средневѣкового мрака грубости и невѣжества, но еще всецѣло царившаго надъ германскимъ народомъ въ началѣ XVIII столѣтія. Разбитая на мелкія княжества и королевства, Германія несла на себѣ всю тяжесть маленькихъ дворовъ, соревновавшихся другъ съ другомъ въ подражаніи модной пышности двора французскаго. Всякое малѣйшее проявленіе интеллигенціи могло преслѣдовать только соотвѣтственныя тому цѣли. Если и существовала какая-нибудь поэзія, то это была поэзія низкопоклонниковъ и льстецовъ, жившихъ милостями покровителей; если и существовало какое-нибудь ученіе нравственности, то и оно было не чуждо тѣхъ же наклонностей. Даже представители науки глядѣли на общество, какъ на что-то чуждое имъ, схоронившись отъ него въ замкнутые кружки сухой и узкой учености, которая, какъ какія-то тайныя чары, ревниво берегалась подъ покровомъ чужого, мертваго, латинскаго языка. Это стремленіе выдѣлять образованіе изъ массы доходило въ иныхъ мѣстахъ до крайней нелѣпости: простымъ школьникамъ предписывалось, подѣ страхомъ наказанія, разговаривать, хотя бы между собой, хотя бы на прогулкѣ, не иначе, какъ по-латыни. Умственное образованіе составляло какъ бы особый міръ, со своимъ языкомъ, со своими нравами, гнушавшійся той почвы, благодаря которой

онъ существовалъ. Когда, однако, этой необщительной наукѣ, въ лицѣ университетовъ, приходилось иной разъ всплывать на свѣтъ Божій и высказывать словомъ авторитета свое воззрѣніе на какой-нибудь жизненный вопросъ, то и она являлась, чтобы опозорить себя наглымъ потаканьемъ сильнѣйшему *). Только къ началу прошлаго столѣтія зардѣлась заря новаго свѣта и онъ понемногу сталъ пригрѣвать разумъ общественный. Съ легкой руки энергичнаго и даровитаго лейпцигскаго профессора Томазіуса, перваго, начавшаго читать свои лекціи и издавать сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ, люди умственного труда постепенно стали отбрасывать мертвую латынь и замѣнять ее живою рѣчью народной. Такимъ образомъ, и тѣмъ, кто не получалъ университетскаго образованія и стоялъ внѣ клики ученыхъ, можно было не ограничивать свое чтеніе одною библіей и молитвенникомъ. Правда, этимъ пользоваться могъ сперва только небольшой кружокъ болѣе досужихъ горожанъ; все-таки нарожда-лась читающая публика, изъ разныхъ нарѣчій вырабатывался общій литературный языкъ, литература завоевала себѣ право гражданства въ обществѣ. Вся эта черновая работа досталась на долю людей съ посредственными дарованіями, и поле уже значительно было вспахано къ появленію сѣятеля—Лессинга.

Готтольдъ Лессингъ родился 22-го января 1729 года въ бѣдномъ саксонскомъ городкѣ, въ бѣдной пасторской семьѣ, которая

*) Такъ, напримѣръ, подвергся преслѣдованіямъ въ Брауншвейгъ-Вольфенбюттелѣ камеръ-президентъ Мюнхаузенъ за свой честный правъ и протесты противъ распущенности вольфенбюттельскаго двора. Придравшись къ тому, что Мюнхаузенъ въ письмахъ къ другу описывалъ безъ утайки придворные нравы, его отдали подъ судъ, и, чтобы придать видъ справедливости всему процессу, послали дѣло на просмотръ въ гельмштэдтскій университетъ, спрашивая мнѣнія ученыхъ юристовъ, какъ людей компетентныхъ. Лейзеръ, ординаріусъ юридическаго факультета, преклонялся предъ волею тогда полновластнаго министра Дена, вооружился всей своей ученостью и цѣлымъ рядомъ лбедипческой казуистики и доказалъ, что римскій законъ объ оскорбленіи величества прилагается и къ невиннымъ письмамъ нѣмецкаго человѣка. «Если-бы Мюнхаузенъ,—прибавляетъ Шлоссеръ,—былъ простолюдинъ или человѣкъ безъ связей, онъ, по обычаю того времени, могъ потерять честь и свободу, а смотря по обстоятельствамъ, свое достоинствѣ и самую жизнь; къ счастью его, онъ принадлежалъ къ дворянству, которое считало нарушенными свои права. Къ тому же за него заступался и герцогъ Людвигъ-Рудольфъ Бланкенбургскій; эти два обстоятельства сдѣлали болѣе, чѣмъ могла сдѣлать одна справедливость, такъ что императоръ и имперскій совѣтъ объявили себя въ его пользу». Schlosser.